

Е.В. Косинцева

Концепт «Язык / Слово» в хантыйской поэзии

Аннотация. Хантыйские поэты М.И. Шульгин, В.С. Волдин, Р.П. Ругин, М.К. Вагатова, не отделяющие себя от народной культуры, обратили взоры к родному слову, пытались осознать величие языка. Осмысливая понятие «язык / слово», поэты говорят о качественных характеристиках речи, рассматривают его функциональные возможности. Анализ художественных текстов показывает, что это понятие органично вписывается в гражданско-патриотическую лирику хантыйских поэтов и становится одним из семантических полей понятия Родина.

Ключевые слова: концепт, «язык / слово», хантыйская поэзия, М.И. Шульгин, В.С. Волдин, Р.П. Ругин, М.К. Вагатова.

E.V. Kosintseva

The concept «Language / Speech» in Khanty poetry

Summary. Khanty poets M.I. Shulgin, V.S. Voldin, R.P. Rugin, M.K. Vagatova, not separating them from the folk culture, turned to the native speech, trying to realize the greatness of the language. Thinking over the concept of «language / speech», the poets talk about the qualitative characteristics of speech, consider its functionality. Analysis of the literary texts shows that this concept fits well in the civil-patriotic lyrics of Khanty poets and became one of the semantic fields of the concept Native land.

Keywords: concept, «language / word», Khanty poetry, M.I. Shulgin, V.S. Voldin, R.P. Rugin, M.K. Vagatova.

Современная наука накопила опыт осмысления отдельных концептов, в том числе и концепта Язык. Обращение к концепту помогает понять сущность творческой индивидуальности автора.

Впервые термин «концепт» был введен С. Аскольдовым, который определяет концепт как заместитель неопределённого множества предметов одного и того же порядка. Д.С. Лихачев говорил о концепте как о результате столкновения словарного значения слова с опытом человека. Е.С. Кубрякова рассматривает концепт как «оперативную содержательную единицу памяти». Ю.С. Степанов отмечает, что «Концепт – это как бы сгусток культуры в сознании человека; то, в виде чего культура входит в ментальный мир человека. И, с другой стороны, концепт – это то, посредством чего человек – рядовой, обычный человек, не «творец культурных ценностей» – сам входит в культуру, а в некоторых случаях и влияет на

нее» [1]. А.Н. Семенов пишет: «Во-первых, под концептом, в «широком смысле», можно понимать культурно-исторический, специализированный смысл, обладающий особой значимостью в рамках определенной культуры, менталитета. А во-вторых, в «узком смысле» концепт – это понимание связи между звучанием и значением слова, сложившееся в индивидуальном сознании каждого отдельного человека в процессе его жизни, в процессе практического пребывания в конкретном пространстве и времени» [2, 5].

Сегодня есть несколько работ, которые рассматривают тот или иной концепт в хантыйском языке, и единичные работы, в которых делается попытка осмыслить концепт в хантыйской литературе или на примере творчества отдельного писателя или поэта ханты. Вместе с тем интересно посмотреть, как понятие Язык / Слово воплощается в творчестве ведущих хантыйских поэтов М.И. Шульгина, В.С. Волдина, Р.П. Ругина, М.К. Вагатовой.

Родной язык, звучащее слово народа стали предметом особого внимания хантыйских поэтов. Это и понятно, малочисленный народ, который обрел письменность только в 30-х гг. XX в., а к концу XX в. уже стал утрачивать языковую идентичность и диалектную раздробленность, так и не сформировав литературный язык, с особым трепетом относясь к звучащей речи. Поэты М.И. Шульгин, В.С. Волдин, Р.П. Ругин, М.К. Вагатова, не отделяющие себя от народной культуры, обратили взоры к родному слову, пытаясь осознать величие слова / языка и, в частности, поэтического слова, тем самым определив и свое место в культурной жизни этноса.

Все названные хантыйские поэты имеют стихотворения, в которых пытаются осознать масштаб слова и определить его основной функционал. Так, в поэтическом наследии М.И. Шульгина выделяются два стихотворения – «Язык», «И живуч, и богат». Лирический герой Шульгина в стихотворении «Язык» восклицает: «О, родной мой язык, / Как ты мне дорог и мил!» [3, 25]. Язык становится средством постижения мира. Герой Шульгина уверен, что без языка не может жить. Отсюда и обилие эпитетов в адрес последнего: «ладен, звучен, пригож». Используя сравнения, лирический герой транслирует объем языка, его глубину и силу:

Острей, чем охотничий нож,
Ярче костра на снегу.
Огромен, словно тайга,
Глубок, как могучая Обь. [3, 25]

Язык олицетворяется лирическим героем, он становится самостоятельным живым организмом: «Подскажешь, когда пурга, / Подскажешь, где гиблая топь» [3, 25].

Язык обретает разное значение для людей, обладающих противоположными качествами. Лирический герой прибегает к антитезе, говоря об этих свойствах языка: язык нежно ласкает слух для «тех, кто к добру не глух», но гремит, как гром, для врагов.

Звучащее слово распространяется в пространстве, обретая могучесть и полетность. Неслучайно его слышит Седой Урал. Совокупность качеств звучащей речи рождает песню в

душе лирического героя: «О, родной мой язык, / Ты моей песней стал» [3, 25].

В другом стихотворении «И певуч, и богат», используя сравнения, лирический герой Шульгина пытается осознать количественный лексический состав родного языка:

Как тайменей в реке,
И оленей в тайге,
И песчинок в песке –
Слов в моем языке. [3, 269]

Лирический герой, подчеркивая богатство и образность звучащей хантыйской речи, использует сравнения, взятые из природы и окружающего его пространства. Именно они помогают герою в двух последних стихах произведения прийти к заключению: «И певуч, и богат / Мой хантыйский язык» [3, 269].

Звучащая хантыйская речь напоминает лирическому герою песню, сказку, в которой слышатся «Всплески светлых излуч / И напевы подруг, / как снежинки в пургу, / Уловить в ней могу / Шорох нарт на снегу, / Скрип березы в логу» [3, 269]. Интересно сравнение звучащей речи с родником, которое использует лирический герой.

Красотой родной речи лирический герой делится с друзьями. Здесь представлена и система ценностей героя, отражающая особенности национальной ментальности, в которой язык / речь занимает важное место:

Как седая тайга,
И Оби берега,
И Урала снега,
Мне она дорога. [3, 269]

В поэтическом наследии В.С. Волдина широкую известность получило стихотворение «Лети, моя песня». Лирический герой Волдина «под небом хантыйским» обращается к слову, которое должно звучать «светло и крылато». Обращаясь к основным характеристикам звучащего слова, лирический герой предлагает воспользоваться главными чертами представителей северной фауны:

Возьми остроту у зрачков ястребиных,
Певучую мягкость походки рысиной,
Собак бескорыстность, оленя сторожкость,
Величие лося, лисы осторожность. [4, 34]

Определяя функциональные возможности слова, лирический герой метко использует

бытовые реалии: «Костром будешь путнику, / Посохом – старцу, / Охотнику – пулей, / Больному – лекарством» [4, 34].

В последней строфе лирический герой говорит о пространственных границах слова, обобщая его концептуально в понятие «Родина». Неслучайно в этой строфе трижды анафористически повторяется утверждающий глагол «будь», а последний стих – это единственное восклицание во всем произведении:

Будь полем и небом, рекою и лесом,
Будь мной и соседом,
Будь Родиной, песня! [4, 34]

В многообразии лирических творений Р.П. Ругина обращает на себя внимание стихотворение «Язык ханты», в котором поэт с гордостью говорит о родном языке, употребляя эпитет «отчий». Лирический герой Ругина задается вопросом: «В малом народе живущий, / Разве он впрямь невелик?» [5, 107], доказывая величие и мощь языка, зовущего к правде и свету. Герой Ругина рассматривает язык как кладезь «немеркнущих знаний»:

В нем сохранились, точны,
Сотни для снега названий,
Сотни – для резвой волны.
Сотня имен и для ветра
В нем на сегодня жива... [5, 107]

Уверенность героя выплескивается в эмоциональное восклицание: «Нет, не впусую так щедро / Он расточает слова!» [5, 107]. Акцентирует герой Ругина и внимание на этимологических особенностях родного слова, в котором «никогда не умрут» «опыт, и разум, и труд» народа. Герой открыто декларирует мощь и независимость северного древнего языка, опровергая утверждения тех, «Кто говорит, что он болен / Высох, зачахнул и сник?»:

Годы его не сгубили
Меток он, гибок, богат,
Если вы что-то забыли,
Это ж не он виноват! [5, 108]

Ряд эпитетов, употребляемых героем, отражает основные характеристики звучащей речи, которую он слушал, путешествуя по родному краю и собирая ягодки слов в берестяной

туесок. Обращает на себя и сравнение слов с ягодками, которое встречаем в стихотворении.

Осмысляя временные и пространственные границы Языка / Слова, герой утверждает: «Тысячу лет проживете / Перешагнете века – / Знаю: никто не увидит / Донца того туеска» [5, 108].

Тонок язык наш, подробен,
Полон живой красоты.
Высказать все он способен –
Всю глубину доброты! [5, 108]

Как и в стихотворениях Шульгина, Волдина, видим контрастное изображение свойств языка / слова. Здесь вновь появляется понятие враг, для которого слово становится смертельным оружием.

Может, как быстрая речка,
Песню весеннюю спеть.
Может, как жаркая печка,
В стужу людей обогреть.
Может взречь ураганом,
Нельмой на солнце блеснуть,
Может ременным арканом
Горло врага захлестнуть. [5, 108]

Затрагивает лирический герой Ругина и этимологический аспект языка, и упоминает способы образования слов в родном языке, благодаря которым родная речь становится богаче:

Если ж явление ново –
И для него в свой черед,
Сыщет, придумает слово,
В русском подчас призащмет. [5, 108]

Последние два стиха произведения: «В братстве народов живущий, / Разве ты впрямь не велик?» [5, 108] – это прямое указание на родственные связи с другими языками.

Завершается же стихотворение восклицанием: «Отчий язык мой, зовущий / К счастью и свету язык!» [5, 108], в котором язык становится источником знания (под светом понимаем просвещение) и одной из составляющих категории счастья.

Стоит также отметить, что в целом ряде гражданско-патриотических стихотворений Ругина, в которых лирический герой размышляет о доме, о Севере, о родном народе, будет неоднократно звучать восторженная

характеристика хантыйской речи, построенная на сравнениях, например: «Как ручей весенний, прямодушны речи / И как снег таежный помыслы чисты» [5, 81]. А в стихотворение «Советы отца» поэт включает древнее поверье хантыйского народа, связанное с коммуникативной функцией человека: «Молчун – на коне, хвастунишка – на кляче» [5, 110].

М.К. Вагатова в сборник «Моя песня, моя песня» (2002) включила два стихотворения – «Мое слово, мой язык», «Моя песня, моя песня», последнее из которых дало одноименное название сборнику поэтессы. Интересно, что лирическая героиня Вагатовой в этом стихотворении уверена, что «слово рождается истинной / Женской доли в таежном краю» [6, 31]. Героиня убеждена, что слово не имеет границ (что отмечали и Шульгин, и Волдин в своих стихотворениях) и всегда возвращается домой. Лирическая героиня Вагатовой разбивает слово / песнь на «звуки любви», которые сравнивает с жизнью. Неслучайно, характеризуя хантыйскую землю, она употребляет эпитет «долгопесенная».

Продолжая давать характеристику песенному слову, лирическая героиня Вагатовой, как и лирические герои Шульгина, Волдина, обращается к сравнениям, взятым из мира природы:

Не догонят ни звери, ни птицы
Распевное слово мое –
Как олень на свободе, все мчится
Окрыленное житие. [6, 31]

Дважды повторяющийся стих «В ритмах сердца и устно, и письменно» указывает и на виды речевой деятельности, рождаемые словом, которые подобно листьям посылает героиня Вагатовой «по сибирскому ветру судьбы». Впервые видим у поэтессы сравнение слова с листьями.

В другом стихотворении «Мое слово, мой язык» лирическая героиня задается вопросами:

Если б слово свое я не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на земле прожила? <...>

Если б я слово свое не слышала,
Если б язык свой не знала,
Кто бы меня услышал?
Как бы я на земле жила? [6, 111]

Первые и последние четыре стиха произведения повторяются, что свидетельствует о кольцевой композиции, с той лишь разницей, что используются разные временные формы одного глагола «прожила – жила», «слышала – услышала».

Язык лирическая героиня сравнивает с растениями, у которых есть веточки, корешки. Вновь видим деление слова на звуки, под которыми понимается звучащая речь с ее открытостью, искренностью, и эти звуки святы для лирической героини Вагатовой, поскольку связаны нитями с сердцем:

Каждая веточка моего языка –
Это моего народа святой звук.
Каждый корешок моего слова –
Крепко связан с нитями сердца. [6, 31]

Звук, язык, слово, песня – понятия синонимичные в восприятии лирической героини Вагатовой.

Как видим, ведущие хантыйские поэты в своем творчестве обратились к понятию Язык / Слово. Все поэты ощущают свою сопричастность к хантыйской звучащей речи, неслучайно они употребляют рядом со словами «язык, слово, звук, песня», которые становятся контекстными синонимами в художественных текстах, притяжательное местоимение «мой». Размышляя о родном слове, лирические герои используют обилие эпитетов, самыми распространенными из которых становятся «отчий, родной»; сравнения, взятые из мира природы, из быта. Говоря о качественных характеристиках речи, поэты используют аналогии и антитезу. Функциональные возможности языка ограничены категориями помочь-наказать. Язык рассматривается как живой организм. Он открывает путь к просвещению, счастью. Поскольку язык неотделим от его носителя – народа, то он органично вписывается в гражданско-патриотическую лирику хантыйских поэтов и становится одним из семантических полей понятия Родина.

Литература

1. Степанов Ю.С. Константы: Словарь русской культуры. Опыт исследования. М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. С. 40-76. // <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> [электронный ресурс]. Дата просмотра 04.03.2013.
2. Семенов А.Н. «Все вместила моя душа...»: Концептосфера лирики Д. Мизгулина. СПб.: Издательская программа АПИ, 2010. 160 с.
3. Шульгин М.И. Мави Ас. Медовая Обь, поэтическое наследие, посвященное 70-летию со дня рождения: сборник стихотворений, поэм на хантыйском и русском языках / сост. Н.И. Величко. Ханты-Мансийск: Новости Югры, 2009. 304 с.
4. Волдин В.С. Так Молупси: поэмы и стихи на хантыйском и русском языках. Ханты-Мансийск, 1998. 118 с.
5. Хантыйская литература. В 4 ч. / сост. Е.В. Косинцева. Ханты-Мансийск: ИИЦ ЮГУ, 2010. Ч. 2. 384 с.
6. Вагатова М.К. Моя песня, моя песня: Стихотворения, легенды, сказки. Екатеринбург, 2002. 192 с.

References

1. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. Opyt issledovanija. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1997. S. 40-76. // <http://philologos.narod.ru/concept/stepanov-concept.htm> [jelektronnyj resurs]. Data prosmotra 04.03.2013.
2. Semenov A.N. «Vse vmestila moja dusha...»: Konceptosfera liriki D. Mizgulina. SPb.: Izdatel'skaja programma API, 2010. 160 s.
3. Shul'gin M.I. Mavi As. Medovaja Ob', pojeticheskoe nasledie, posvjashhennoe 70-letiju so dnja rozhdenija: sbornik stihotvorenij, poem na hantjjskom i russkom jazykah / sost. N.I. Velichko. Hanty-Mansijsk: Novosti Jugry, 2009. 304 s.
4. Voldin V.S. Tak Molupsi: pojemy i stihy na hantjjskom i russkom jazykah. Hanty-Mansijsk, 1998. 118 s.
5. Hantjjskaja literatura. V 4 ch. / sost. E.V. Kosinceva. Hanty-Mansijsk: IIC JuGU, 2010. Ch. 2. 384 s.
6. Vagatova M.K. Moja pesnja, moja pesnja: Stihotvorenija, legendy, skazki. Ekaterinburg, 2002. 192 s.